«Приказ о наказании!!!» – так называется бумага на столе передо мной. Частый прогул собраний в кружке вышел боком. Правда, больше ничего не написано.

– Что скажешь в свое оправдание, а? У нас работа в самом разгаре, важен каждый человек, непростительно!

Мана разоряется стоя по ту сторону стола. Не зря Казума сказал, что сегодня состоится публичная казнь.

– Вообще-то у нас нет еще плана, глава… – тихо внесла правки Котоми.

– Умх… Не важно! Это не оправдывает такое количество прогулов!

Мана угрожающе указала на меня пальцем. Становится не по себе.

– Есть идеи относительно фестиваля?

– Нет.

– Не оправдание, значит придумай!

– Эм, рассказать стихотворение на сцене?

– Скучно, придумай еще!

Беда, даже Казума и Зода не рискуют встать на мою сторону. Зачем вообще нужно было вступать в этот кружок?

– Глава, позволь сказать, ты также предлагала зачитать стихотворения на сцене, – не отрываясь от чтения Котоми нанесла неожиданный удар.

– П-потому и скучно! Котоми, читай книгу молча, и хватит подыгрывать Шимиде.

– Должен же кто-то за него заступиться, раз наши мужчины столь хрупки.

– Это мы хрупки?! – Зода и Казума синхронно поднялись, закатили рукава, и подошли к Мане.

– Ч-что вы задумали? Всё-всё, я поняла. Шимида полностью помилован!

Вместо этого праведный гнев обрушился на Котоми: легкий удар книгой по голове от Маны ознаменовал конец суда.

Как рыцари круглого стола мы собрались за квадратным столом. Сладости, книги, бумаги, чашечки чая – стандартный набор для важных переговоров.

– В самом деле, давайте разыграем сценку собственного сочинения.

– Боюсь Казума прав, глава. У нас нет иного пути, – мужская солидарность от Зоды, красавец!

– Это же скучно! Никому не понравится такое убожество. Котоми тоже так считает.

Все посмотрели на Котоми, медленно жующую печенье во время чтения книги. Заметив на себе взгляды, она отвлеклась.

– А? Я? Думаю сценка и правда неплохая идея. Ты же об этом меня попросила?

– Неделю будешь без печенья, предательница.

С горем пополам, трое на одного, было принято решение разыграть сценку собственного сочинения. Собственно меня мало о чем спрашивают, ведь в клубе состою только по просьбе Казумы, но...

– Давайте разыграем часть романа Казумы? Одну из каких-то сцен.

Уши Маны будто бы вздрогнули, она заметно оживилась.

– А ты не так бесполезен, как я думала. Молодец, Шимида! Давай, Сакари, настал твой звездный час. На правах главы приказываю раскрыть все секреты!

– Шимида соавтор, потому половина вопросов к нему. Прости, друг, на войне, как на войне.

Несмотря на это он не стал возражать. Его фраза означала, что придется рисовать совсем скоро. Половина работы на мне, получается...

Зода какой-то тихий, его присутствие заметить не всегда удается, даже в силу размера. Как положено телохранителю, говорит лишь тогда, когда прикажут.

Сюжет и написание сценки на Казуме, Мана и Котоми займутся нарядами и музыкой, Зода станет рабочей силой и двигателем. От меня же требуются иллюстрации и рисование декораций.

Дверь открылась, нас посетила сама Масатани-сенсей. Она ведь руководитель кружка. Мана доложила о нашем плане.

– Литературный кружок станет театральным кружком? Кто автор это идеи?

– Шимида. Идея была его.

– Вот как, – учитель тяжело вздохнула. – Нашли кого слушать. Ты же умная, Мана, как допустила такое? Сиди, Казума, тебя не спрашивают.

– Я пыталась отказаться, но их было трое. Они не желали слушать.

– Кто был четвертым, не вынуждающим к принятию решения?

– Шимида. Он молчал.

Учитель вздохнула еще тяжелее. Настолько, будто настал конец времен. Никто не решается что-либо ответить ей.

– Сядь на место, Мана. Вы разочаровываете сегодня, что же творится? Никудышная идея, придумайте что-нибудь еще.

– Не согласен, – возразил я.

– Что? Аргументируй, Шимида, если есть, что сказать.

– Сценка – отличное решение. В ней можно использовать различные аспекты. Донести мысли в различных формах. Используются рисунки, музыка, поэзия, проза, костюмы.

– Научился лучше выражать свои мысли? Похвально, но этого мало. Человек, не любящий литературу, не может предлагать идеи. Это оскорбляет искусство.

– Вы не правы, учитель. Отсутствие таланта и навыка еще не означает отсутствие любви к деятельности. Лучше не делать непосильное, а сделать то, что мы можем.

– Поднимите руку, кто согласен с Шимидой.

Все присутствующие подняли руку, включая Ману.

– Допустим, поддерживаю вашу идею. Шимида, выйди со мной.

Масатани-сенсей привела меня в пустую учительскую. Отойдя в угол, мы остановились.

– Начинаешь находить общий язык с людьми. Постепенно становишься на ноги, я рада этому.

– Вы не ругать меня собрались?

– С ума сошел? Самое главное, что учащиеся находят свое место, развиваются. Идея со сценкой в самом деле хороша.

– С-спасибо, неожиданно услышать такое…

– Как дела дома? Всё в порядке?

– Что с Вами, учитель?

– Хочу убедиться, что ты в порядке. В данный момент говорю с тобой не как учитель. Не так давно разговаривала с Атэмино, в ней произошли явные изменения. Вы оба показываете положительную динамику роста.

– Она молодец. Представить сложно, что бы делал без нее.

Умиротворенное выражение лица учителя успокоило. Она реально волнуется обо мне и Мики. Здесь все учителя, особенно директор, по-доброму относятся к любому ученику.

– Вы как-то говорили, что Дорэнай не просто академия, откуда выходят обученные преподаватели. Я всё думал, почему на первом курсе всего несколько предметов: литература, психология, естествознание, история и этика. Старшеклассники ничего не говорят о своей программе обучения.

Масатани-сенсей задумалась с нотками легкой грусти. Вопрос ей явно не по душе, но возражений нет.

– Первый курс в Дорэнай – адаптирующий. Всё направленно на то, чтобы студент смог найти свое место в жизни, в обществе, смог найти самого себя, чтобы в дальнейшем сделать правильный выбор.

– С самоубийствами также связано?

– Умх… Как всегда прямолинеен, Шимида. Так и есть. Наша задача на первом курсе – оградить, защитить, наставить. Академия не работает с больными и сумасшедшими, только с находящимися в депрессии, а также так или иначе близкими к самоубийству. Впрочем, не все

студенты здесь такие.

– Знать студентам подобное не положено, иначе бы так тихо не говорили.

– Это можно понять и так, строгого секрета нет, но говорить не принято. В отличие от университетов, мы обучаем более человечных преподавателей. Нужно работать не только с телом человека, но и с его душой.

Так и есть. В школе учителя знали о моем положении, никто толком не пытался ни помочь, ни выслушать. Нам попросту вбивали в голову знания, требовали посещаемость и успеваемость.

Если учишься, значит всё нормально. Никого не волнует, каково состояние души человека. Возможно, поэтому поступил сюда, чувствовал и шел.

Какой толк с начитанного человека, который человеком не является. Он явно использует знания не во благо, а навредит другим ради выгоды себе. Наблюдать подобное приходилось сотни, а то и тысячи раз...

– Учитель, позвольте обнять вас. Я не смогу выразить иначе...

– Вообще-то подобное запрещено, особенно здесь. Допустимо лишь в кабинете для терапии.

– Пусть так, – сказал я и обнял ее. – Вы очень добры, в меру строги. Спасибо вам.

– Говорю же, нельзя...

Дверь открылась, зашел незнакомый учитель, а за ним директор. Масатани-сенсей заметно напряглась, пытаясь освободиться. Глядя на нас, они просто улыбнулись, продолжая копаться среди бумаг.

– Отношения между учителем и учеником недопустимы, Шимида. Запомни это хорошенько, всегда нужно соблюдать меру. В будущем, если станешь учителем, нельзя будет сближаться с каждой ученицей.

– Мики занимает особое место, другим это не под силу. Изначально неправильно понимал вас, теперь не хватает слов, чтобы описать благодарность. Вы замечательный учитель, лучшего не встречал.

– Кажется, ты переходишь грань, –учитель попыталась оттолкнуться, но не позволил. – Хватит, Шимида, прекращай это.

Я прижал ее крепче и вскоре отпустил. В конце концов, благодаря Мики и Масатани-сенсей, начался путь из жизни во тьме.

– Ваш цвет глаз подобен зелени, олицетворяющей жизнь. Надеюсь, мы сможем оправдать ваши надежды относительно фестиваля. И не только фестиваля.

– Столько силы в словах, неужели не замечаешь? Ладно, иди домой, хватит разговоров на сегодня.

Она вернулась за свой стол, полностью игнорируя меня.

Я обернулся стоя у двери.

Масатани-сенсей продолжает заполнять бумаги, но в момент открытия двери обратила внимание.

Действительно, глаза многих людей здесь прекрасны. Мир и люди, казавшиеся ранее туманной пустотой, оказалась невообразимо живыми. Они были такими же, когда не видел этого.

Всё так, как и сказал тот продавец игрушек. Независимо от того, как смотреть на вещь, что думать о ней, она будет такой, какая есть. Важно лишь видеть правильно, не блуждать среди тумана.

http://tl.rulate.ru/book/16014/331769